
Екатерина Куковерова
Презумпция невиновности
18+

Екатерина Куковерова

Презумпция невиновности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73529138
SelfPub; 2026

Аннотация

Обычный автомеханик Майкл Раннер оказывается в центре громкого дела об убийстве Джейн Вилльямс. Для кого-то она – любовница, для кого-то – неверная жена. Для прокурора Фишборна – жертва, чью смерть он намерен отомстить, требуя для Майкла высшей меры. Для адвоката Мастерса – ключ к спасению подзащитного, вокруг которого он плетет тонкую нить сомнения.

Улики косвенны, но скамья присяжных колеблется. Каждое слово свидетелей, каждая слеза матери Майкла и каждая вспышка ярости вдовца приближают развязку. На кону – свобода парня, который клянется в своей невиновности, и жизнь его больной матери, для которой он – единственная опора.

Но пока присяжные взвешивают аргументы и судья стучит молотком, лишь один человек в этом зале знает истинный расклад.

Екатерина Куковерова
Презумпция невиновности

Зал суда. Электронный голос произнес:

«Слушается дело номер 376654MF Штат Флорида против Майкла Теодора Раннера. Судья – Джоанна Элен Смит. Обвиняемый – Майкл Теодор Раннер. Главный защитник – адвокат Эрик Конрад Мастерс. Штат Флорида как обвинителя представляет прокурор Джейсон Леонард Фишборн. Жюри присяжных 12 человек. Председатель – Джо Уильям Миллер».

– Слово предоставляется стороне обвинения – сказала судья Джоанна Смит и стукнула молоточком.

Джейсон Фишборн (резко встает, одергивает пиджак и подходит к барьеру, отделяющему его от присяжных. Он смотрит на них спокойно, но пронзительно. Несколько секунд он молчит, выдерживая паузу).

– Ваша Честь, дамы и господа присяжные заседатели.

Двадцать третьего октября прошлого года солнце взошло над Флоридой так же, как обычно. Оно осветило пальмы, пляжи и тихие улицы района, где жила Джейн Дороти Вилльямс.

Для Джейн этот день должен был стать обычным вторником. Она планировала заехать в прачечную, забрать костюм мужа из химчистки и, возможно, выпить кофе с подругой

после работы. У нее были мечты, счета, которые нужно оплатить, и песня в плеере, которую она слушала по дороге домой. Она была живой. По-настоящему живой.

Но солнце того дня стало свидетелем не только ее планов. Оно осветило путь другому человеку – человеку, у которого не было ни планов, ни мечты, ни жалости. У него был только пистолет и злой умысел.

Мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать, погибла ли Джейн Вилльямс. Мы знаем, что она погибла. Эксперты представят вам неопровержимые доказательства: следы, баллистику, результаты вскрытия. Мы здесь для того, чтобы дать имя тому, кто забрал у неё жизнь.

(Фишборн медленно поворачивается и указывает рукой на подсудимого).

Это имя – Майкл Теодор Раннер.

В ходе слушаний обвинение представит вам цельную картину произошедшего. Мы восстановим ту роковую встречу на парковке, шаг за шагом. Мы покажем вам, как мистер Раннер, действуя хладнокровно и расчетливо, произвел тот самый выстрел. Выстрел, который оборвал не просто жизнь. Он оборвал смех, оборвал любовь, оборвал будущее.

Я знаю, что скажет нам защита. Я уже слышу их аргументы. Они встанут здесь, перед вами, и скажут: «Улики? Это просто совпадения». Они будут смотреть вам в глаза и утверждать, что видео с камер наблюдения – это просто картинка, а не доказательство. Они назовут отпечатки пальцев слу-

чайностью, а пороховые частицы на одежде – результатом неосторожного соседства в автобусе.

Не дайте себя обмануть.

Да, улики могут быть косвенными. Каждая отдельно взятая нить не удержит вес правды. Но когда мы сплетем их вместе – следы, видео, мотив, возможность – они превратятся в канат, который привяжет мистера Раннера к месту преступления крепче любых наручников.

Защита будет говорить вам о тяжелом детстве подсудимого. Защита будет искать оправдания в его прошлом, в его привычках, в его зависимостях. Но я хочу, чтобы вы запомнили одну простую вещь: ничто – слышите, ничто – не оправдывает убийство. Нищета не оправдывает пулю. Злость не оправдывает пулю. Ревность не оправдывает пулю. И даже страх не оправдывает пулю, выпущенную в безоружную женщину, которая просто хотела дожить до вечера.

Они будут спорить с фактами. Они будут пытаться убедить вас, что правда – это всего лишь вопрос интерпретации. Но правда, дамы и господа, – это не интерпретация. Правда – это Джейн Вилльямс в морге, и это мистер Раннер привел её туда.

Мы просим вас не отворачиваться. Мы просим вас посмотреть на фотографии, которые мы покажем. Послушать свидетелей. Вглядеться в эту видеозапись. И ответить на главный вопрос: доказало ли обвинение вину Майкла Раннера?

К концу процесса, когда все улики будут перед вами, когда защита исчерпает свои попытки выдать тьму за свет, у вас останется только одно честное, справедливое решение.

И это решение – виновен. Потому что справедливость – это единственное, что мы еще можем дать Джейн Дороти Вилльямс.

Спасибо.

Фишборн кивает присяжным и возвращается на свое место.

Судья Джоанна Смит, кивая стороне защиты:

– Слово предоставляется защите.

Эрик Мастерс (он не встает резко, как прокурор. Он наоборот, расслабленно откидывается на спинку стула, потом медленно поднимается. Он не идет к присяжным сразу, а сначала кладет руку на плечо Майкла Раннера, слегка сжимает его и только потом неторопливо подходит к барьеру. Его взгляд мягче, чем у Фишборна, но в нем чувствуется усталая мудрость).

– Ваша Честь. Дамы и господа присяжные заседатели. Речь, которую вы только что услышали от моего уважаемого коллеги, была красивой. Очень красивой. В ней было солнце, пальмы, прачечная, химчистка и песня в плеере. Мистер Фишборн – блестящий оратор, и он сделал свою работу на «отлично». Он заставил вас увидеть тот день глазами Джейн Вилльямс.

И это правильно. Это его долг.

Но моя работа, дамы и господа, заключается в другом. Моя работа – напомнить вам о том, что стоит в самом центре нашей правовой системы. О принципе, который отличает справедливый суд от самосуда. Я говорю о презумпции невиновности.

Мастерс делает паузу, давая словам осесть в сознании присяжных и продолжает:

– Это не просто красивое латинское выражение, которое мы, адвокаты, любим повторять. Это щит. Это единственное, что стоит между каждым из нас и произволом государства. Презумпция невиновности гласит: человек, сидящий вот здесь (он указывает на Майкла), чист перед законом. Прямо сейчас. В эту секунду. И таким он останется до тех пор, пока двенадцать взрослых людей – вы – не скажут единогласно: «Нет, мы изучили всё, и сомнений у нас не осталось».

Обвинение хочет, чтобы вы начали с конца. Они уже вынесли свой вердикт и теперь просят вас просто поставить печать. «Посмотрите на него, – говорят они, – это убийца». Но закон, дамы и господа, устроен иначе. Отправная точка здесь – невиновность. И сдвинуть Майкла Раннера с этой точки может только железобетонная, неопровержимая доказательная база.

Мистер Фишборн сказал вам: «Мы знаем, что Джейн Вильямс погибла. Мы здесь, чтобы дать имя тому, кто это сде-

лал».

Я скажу вам честно: мы здесь для того, чтобы убедиться, что это имя назвали правильно. Не по ошибке. Не потому, что полиции нужно было сдать дело побыстрее. И не потому, что общественность жаждет крови. Потому что осуждение невиновного – это такое же преступление против правосудия, как и оправдание виновного.

Голос Мастерса становится тише, но пронзительнее.

– Да, трагедия произошла. И нет слов, чтобы выразить сочувствие семье погибшей. Но горе, каким бы безмерным оно ни было, не может отменять закон. Презумпция невиновности не исчезает только потому, что нам всем очень жаль. Она работает всегда. Особенно – когда нам очень жаль.

Так что же обвинение положило на другую чашу весов, чтобы перевесить этот фундаментальный принцип?

Обвинение пообещало вам «цельную картину» и «канат из улик». Но давайте посмотрим правде в глаза. Это не канат. Это тонкая ниточка, которую они отчаянно пытаются скрутить в трос. И самое интересное, дамы и господа – они показали вам не всю ниточку. Они показали только её часть.

Мистер Фишборн сказал: «Видео – это не просто картинка». И я согласен. Это картинка. Картинка, на которой, заметьте, не видно лица стрелка. Картинка, на которой человек в капюшоне делает то, что ему приписывают. Но где на этой записи Майкл Раннер? Покажите мне его. Если презумпция

невиновности требует доказательств, то доказательство «человек похож на моего подзащитного» – это не доказательство. Это домысел.

Они найдут отпечатки пальцев. И где? На дверной ручке соседнего магазина? На бензоколонке, где Майкл заправляет свой пикап? Закон говорит: пока вы не докажете, что эти пальцы были на спусковом крючке в момент выстрела, это просто совпадение.

Но есть кое-что еще. То, о чем обвинение предпочло умолчать в своей вступительной речи. Отпечатки пальцев моего подзащитного были найдены не где-нибудь, а в доме Джейн Вилльямс.

Мастерс делает паузу, давая залу возможность переварить информацию. Он смотрит на присяжных, потом на прокурора.

– Слышите, как зашептались ряды? Видите, как прокурор заерзал на стуле? Они не хотели, чтобы вы знали об этом сейчас. Они хотели приберечь этот "козырь" на потом, чтобы ударить им, когда вы уже составите мнение. Но правда в том, дамы и господа, что эти отпечатки – не улика против моего подзащитного. Это часть другой истории. Истории, которую обвинение намеренно превращает в криминал.

Потому что, когда защита начнет представлять доказательства, вы узнаете то, что пока остается за кадром: Майкл Раннер и Джейн Вилльямс знали друг друга. Они были знакомы. У них были… отношения. И я не буду сейчас гово-

рить, какими были эти отношения – близкими или далекими, счастливыми или сложными. Это выяснится в ходе процесса.

Но я спрошу вас вот о чем: если человек был в доме погибшей при жизни, если его отпечатки остались на кружке, из которой он пил кофе, на дверном косяке, о который он оперся, прощаясь – разве это доказывает, что он стрелял в неё на парковке через несколько месяцев?

Или это доказывает лишь то, что он там был когда-то? А когда именно – это обвинению еще предстоит доказать. И поверьте, они не смогут. Потому что Майкл Раннер не стрелял.

Прокурор говорит вам о пороховых частицах. Но он не скажет вам, что эти частицы могли попасть на одежду где угодно. Автомеханик, работающий со старыми машинами, живет в мире масла и грязи. Или, быть может, он просто стоял рядом. Обвинение не может доказать, что этот пистолет был в руках моего подзащитного. А пока они этого не докажут, презумпция невиновности велит нам сказать: «Майкл Раннер не виновен».

А мотив? Какой мотив у Майкла Раннера? Обвинение намекнет вам на ссору, на ревность, на старые обиды. Но это лишь домыслы. Защита не обязана ничего доказывать – это обвинение несет бремя. Но мы все равно покажем вам, что Майкл – это двадцатипятилетний механик, который каждое утро вкалывает в гараже, чтобы помочь своей матери опла-

тить счета за лечение. И что его связь с Джейн… она была сложной, да. Но она не закончилась пулей. И отсутствие реального мотива – это еще один кирпичик в здании его невиновности.

Мастерс делает шаг назад и указывает на Майкла, который сидит, опустив голову, но заметно взволнованный упоминанием отношений.

– Майкл Раннер не прятался. Когда полиция пришла к нему, он сотрудничал. Невиновный человек ведет себя именно так. Он отдал одежду на экспертизу. Он согласился на допрос. Почему? Потому что невиновный человек доверяет презумпции невиновности. Он знает, что правда всплывет. Виновный ищет адвоката, чтобы спрятаться. Майкл пришел ко мне, чтобы я помог вам увидеть ту правду, которую обвинение пытается заслонить эмоциями и недомолвками.

Прокурор призвал вас не отворачиваться от фотографий. Я прошу вас о другом: не отворачивайтесь от закона. Не отворачивайтесь от презумпции невиновности. Если в ходе процесса – когда вы услышите свидетелей, увидите нестыковки в показаниях, поймете шаткость экспертиз, и самое главное – когда вы узнаете всю правду об отношениях моего подзащитного с Джейн – если в вашей голове появится хоть малейшее сомнение в том, что на том месте преступления был именно Майкл Раннер, закон предписывает вам поступить четко.

Вы не имеете права сказать: «Ну, наверное, это он, раз его

арестовали и нашли его пальцы в её доме».

Вы обязаны сказать: «Сомнение есть – значит, обвинение не справилось. Значит, вердикт – невиновен».

Потому что справедливость для Джейн Вилльямс – это найти настоящего убийцу. А справедливость для Майкла Раннера и для всех нас – это не дать сломать судьбу человека на основании шатких улик, красивых речей и тайн, которые обвинение пытается скрыть.

Презумпция невиновности – это не привилегия для преступников. Это наша с вами общая защита от ошибки. И я прошу вас: защитите её.

Спасибо.

Мастерс спокойно кидает взгляд на присяжных, затем на прокурора, и с легкой усмешкой садится рядом с подзащитным, положив перед собой блокнот.

Судья Смит выдержала паузу, давая тишине окончательно установиться в зале, и ещё раз окинула взглядом скамью присяжных. Их лица были непроницаемы, но она знала эту игру: первое впечатление уже сформировано, и сейчас оно бродит в их головах, как закваска.

– Что ж, – произнесла она, снимая очки для чтения. – Вступительные речи сторон заслушаны. День был долгим, и я полагаю, что всем нам нужно время, чтобы переварить услышанное. Суд считает, что на сегодня мы закончили.

Она взглянула на настенные часы.

– Заседание возобновится завтра в десять ноль-ноль утра. Сторона обвинения начнёт представление свидетелей. Жюри присяжных, вы не должны обсуждать это дело ни с кем, включая друг друга, не должны читать о нем в газетах, смотреть телевизор и пользоваться интернетом для поиска информации. Вы должны основывать свое решение исключительно на тех доказательствах, которые будут представлены в этом зале суда, – Суд удаляется.

Молоточек стукнул по деревянной подставке, и этот звук словно разрезал напряжение. Присяжные начали медленно подниматься, их лица были обращены к выходу, но Майкл успел заметить, как пожилой мужчина в первом ряду – председатель Миллер – украдкой взглянул на него. Взгляд был тяжёлым, испытующим, но без враждебности. Женщина в очках с толстой оправой что-то шепнула соседке, и та едва заметно кивнула, не поднимая глаз.

Майкл отвернулся.

В зале суда было душно, несмотря на работающий кондиционер. Присяжные потянулись к выходу. Когда последний из них скрылся за дверью, Мастерс наклонился к Майклу, заслоняя от любопытных взглядов широкой спиной.

– Ты как? – спросил адвокат тихо, убирая блокнот в потёртый кожаный портфель.

– Я… – Майкл провёл ладонью по коротко стриженному затылку. Рука слегка дрожала. – Я не знал, что ты скажешь про… про нас с Джейн. Про отношения.

Мастерс усмехнулся в усы.

– А ты думал, они про это молчать будут? Фишборн придержал эту карту, чтобы выбить тебя из колеи на перекрёстном допросе. Но теперь он не сможет. Теперь это наша территория. Мы сами назвали это первыми. Слышал, как он заскрипел стулом?

Майкл кивнул, но лицо его оставалось бледным.

– Послушай меня, – Мастерс понизил голос почти до шёпота. – Забудь про присяжных до завтра. Ты видел их лица? Миллер – он бывший военный, я наводил справки. Такие люди не любят, когда им давят на жалость, но и не терпят, когда им недоговаривают. Мы сделали правильно. А теперь поезжай домой, выпей чаю, не пей ничего крепче. Твоя мать, наверное, с ума сходит.

– Я хочу к ней заехать сначала, – сказал Майкл, поднимаясь. – Она в больнице не была сегодня, побоялась прессы. Я обещал заехать после суда.

– Хорошо. Передавай привет, – Мастерс протянул руку и крепко сжал локоть подзащитного. – И помни: презумпция невиновности – это не просто слова. Это броня. Ты пока в ней.

Машина Майкла – старый, видавший виды «Форд» с вмятиной на заднем крыле – стоял на платной парковке в двух кварталах от здания суда. Майкл заплатил за день вперёд, сунул смятые доллары в окошко автомата и сел за руль. Руки всё ещё подрагивали, когда он вставлял ключ в зажигание.

Он выехал со стоянки и сразу попал в плотный поток трафика. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в оранжево-розовые тона. Город жил своей жизнью, и это казалось Майклу почти оскорбительным. Там, в зале суда, решалась его судьба, а здесь люди просто ехали по своим делам, слушали радио, смеялись.

Дом матери находился в старом районе, где дома стояли вплотную друг к другу, а палисадники были размером с носовой платок. Майкл припарковался у обочины, заглушил мотор и несколько секунд сидел, глядя на знакомый с детства серый фасад. На крыльце стояла её любимая герань в горшках. Мать всегда говорила, что герань – цветок для бедных, но красивый.

Он не успел дойти до двери – она распахнулась сама.

– Майки! – Мэри Раннер стояла на пороге, маленькая, сухонькая женщина с седыми волосами, собранными в небрежный пучок. В её глазах стояли слёзы, но она не плакала, только часто-часто моргала.

– Привет, мам.

Она шагнула к нему и обхватила руками за шею. Майкл, высокий и широкоплечий, наклонился, позволяя себя обнять, чувствуя знакомый запах её дешёвых духов и больничного мыла.

– Ну что? Что они? – спросила она в его плечо.

– Всё нормально, мам. Эрик хорошо говорил. Ты бы видела.

Она отстранилась, вглядываясь в его лицо.

– Я молилась. Весь день молилась, сынок. Заходи, я суп сварила. Ты же скорее всего не ел ничего целый день.

В доме пахло куриным бульоном и чистящим средством – привычный, уютный запах, от которого у Майкла всегда немного щемило сердце. Мать хлопотала у плиты, накрывая на стол.

– Ты ешь, ешь, – приговаривала она, пододвигая к нему хлеб. – На суде этом, небось, одни нервы.

Майкл послушно взял ложку, зачерпнул бульон, но так и не смог себя заставить есть. Просто переливал из ложки в тарелку, уставившись в одну точку на скатерти.

– Мам, нам надо поговорить.

Мэри замерла с чайником в руке. Поставила его на стол, тяжело опустилась на табурет напротив сына. Её руки, натруженные, с вздутыми венами, нервно теребили край фартука.

– Я слушаю, Майки. Ты только не пугай меня.

– Эрик сегодня в суде кое-что сказал. Он сказал, что я знал Джейн. Что мы с ней были… знакомы ближе, чем просто механик и клиентка.

Мэри побледнела так, что веснушки на её щеках проступили еще ярче. Она несколько раз открыла и закрыла рот, прежде чем смогла выдавить из себя хриплый шепот:

– Сынок… ты хочешь сказать… что это ты?..

– Нет! – Майкл резко поднял голову, в его глазах вспыхнул испуг. – Нет, мам, боже упаси. Я не стрелял в неё. Я лю-

бил её.

Последние три слова повисли в воздухе, тяжелые, как свинец. Мэри смотрела на сына так, будто видела его впервые.

– Любил? – эхом отозвалась она. – Джейн Вилльямс? Ту самую женщину, которую убили? Майкл, объясни мне, старой дуре, что здесь происходит.

Майкл глубоко вздохнул. Рассказывать об этом матери он планировал когда-нибудь потом, может быть, никогда. Но теперь выбора не было.

– Она приехала в гараж где-то полгода назад. На её «Хонде» стучал двигатель, она вся на нервах была, говорила, что машина нужна для работы. Я посмотрел, сказал, что дело серьезное, надо оставлять. Она оставила.

Мэри слушала молча, только пальцы сильнее сжимали фартук.

– Она пришла забирать её через два дня. Одна. Стояла у стойки, пила кофе из автомата. Я спросил, все ли работает. Она сказала: «Лучше, чем моя жизнь». И как-то так вышло, что мы разговорились. Она не кокетничала, не строила глазки. Она была… уставшей. Как будто несла тяжелый мешок и уже не знала, где его поставить.

– Господи, Майкл… – прошептала Мэри.

– Я знаю, что ты скажешь. Она была замужем. Она старше меня. Это неправильно. – Майкл вскинул голову, в его голосе появилась горячность. – Но когда она смотрела на меня, я чувствовал себя… нужным. По-настоящему. Не как меха-

ник, который может починить тачку, а как мужчина.

Мэри закрыла глаза рукой, словно от яркого света.

– И что дальше было?

– Всё. – Майкл развел руками. – Встречались тайно. Мотель на трассе, парк в другом районе, где нас никто не знал, даже её машину приходилось оставлять за два квартала. Она говорила, что Том, муж, если узнает – убьет её. Не в переносном смысле. Говорила, что он вспыльчивый, что у него пистолет в тумбочке. Я просил её уйти, говорил, что справлюсь, что буду работать за двоих.

– А она?

– Она боялась. Боялась его, боялась остаться без ничего, – голос Майкла дрогнул. – Она говорила: «Майки, дай мне время. Я не могу вот так, с пинка. Мне нужно подготовить почву, найти работу, поговорить с адвокатом».

– И ты верил?

– А ты бы не верила? – Майкл посмотрел матери прямо в глаза. – Когда она лежала у меня на плече и шептала, что только со мной чувствует себя в безопасности? Когда приносила мне домашние круасаны и говорила, что специально научилась их готовить, потому что я сказал, что люблю? Представляешь? Современная женщина сама печет круасаны. Это была не просто интрижка, мам. Я правда думал, что у нас будущее.

Тишина в кухне стала такой плотной, что её можно было резать ножом.

– А он узнал? – тихо спросила Мэри.

– Не знаю. – Майкл покачал головой. – Мы были осторожны. Но, может, кто-то видел? Может, она проговорилась? А потом… мы поссорились. Незадолго до того, как это случилось.

Мэри насторожилась:

– Поссорились? Из-за чего?

– Не хочу сейчас об этом, мам. – Майкл отвернулся к окну, за которым уже сгущались сумерки. – Повздорили. Наговорили друг другу лишнего. Она уехала, и мы несколько дней не разговаривали. А потом… потом я услышал по новостям.

Он сжал виски ладонями.

– Я чуть с ума не сошел. Хотел бежать в полицию, рассказать всё. А Эрик сказал: «Не смей. Тебя посадят сразу, как только узнают, что вы были близки. Скажут – любовник, мотив, ссора».

– И он прав, – выдохнула Мэри. – Посмотри, что они уже делают. Эти отпечатки твои…

– Я пил у неё кофе, мам! – с отчаянием воскликнул Майкл. – Я трогал дверные ручки, когда выходил от нее, я опирался о стены, когда мы целовались в прихожей. Если бы они нашли мои отпечатки на орудии убийства – да, я бы понял. Но они нашли их там, где они и должны были быть, если человек бывал в доме!

Мэри встала, подошла к плите, хотя на ней ничего не бы-

ло, включила конфорку, выключила. Потом обернулась, и в её глазах стояли слезы.

– Майки, почему ты мне сразу не сказал?

– А что бы я сказал? «Мам, познакомься, это Джейн, она замужем, но мы любим друг друга»? Ты же из больницы не вылезаешь, у тебя сердце… Я думал, разберусь сам. А когда она погибла… я просто не мог. Слова не мог найти.

Мэри вернулась к столу, села рядом и взяла его большую ладонь в свои маленькие, холодные руки.

– Ты дурак, Майкл Раннер. Дурак, каких свет не видывал. – Она говорила строго, но по щекам уже текли слезы. – Я мать. Я должна знать, что у сына на душе. Даже если это больно. Даже если это стыдно. А тут не стыдно. Тут – жизнь.

– Ты не злишься? – удивленно поднял глаза Майкл.

– Злюсь? – Мэри горько усмехнулась. – На что мне злиться, сынок? На то, что ты полюбил женщину, которая была несвободна? Так сердцу не прикажешь. Я злюсь на того, кто всадил в неё пулю. Потому что этот кто-то теперь хочет, чтобы за его грехи ответил ты.

Она замолчала, поглаживая его руку. В кухне слышалось только тиканье старых ходиков на стене.

– Том, говоришь, вспыльчивый? И пистолет у него есть?

– Мам, ты о чем?

– Ни о чем. – Мэри покачала головой и промокнула глаза уголком фартука. – Просто мысли вслух. Адвокату своему ты это рассказал?

– Всё. От и до. Эрик сказал, что это наш главный козырь, если они решат лепить из меня любовника-убийцу. Он говорит, правда, даже неудобная, лучше лжи.

Мэри кивнула.

– Умный он у тебя, Эрик. Слушайся его. А сейчас давай-ка ешь. Суп стынет.

Майкл послушно взял ложку, но через секунду снова отложил.

– Мам, а если присяжные не поверят? Если решат, что раз я скрывал отношения, да еще и поссорился с ней, значит, я и убить мог?

Мэри посмотрела на него долгим, внимательным взглядом.

– Сынок, присяжные – люди. Они чувствуют, когда человек врет, а когда говорит правду, даже если правда эта горькая. Ты им в глаза посмотри, когда свидетелем пойдешь. И скажи всё, как есть. Не проси прощения за то, что любил. Любовь – это не преступление. Даже если она была тайной. И ссора – не преступление. У всех бывают ссоры.

Она встала, обошла стол и обняла его за плечи, прижав его голову к своей груди.

– Мы справимся, Майки. Ты только держись. И помни: Господь видит правду. Рано или поздно она выйдет наружу. Как эта герань весной, помнишь? Стояла засохшая, думала – всё, погибла. А полили, удобрили – и вон как разрослась.

Майкл уткнулся лицом в её фартук и замер. Ему было

двадцать пять лет, он чинил огромные грузовики, поднимал двигатели весом в центнер, но сейчас, в этой тесной кухоньке, он снова чувствовал себя маленьким мальчиком, которого мама может защитить от всех бед.

– Я люблю тебя, мам.

– И я тебя, дурака. – Мэри поцеловала его в макушку. – А теперь ешь. И про герань эту запомни. Правда – она как цветок: если она живая, ее не задушить.

Майкл вышел от матери уже затемно. Старый «Форд» завелся не сразу – пришлось три раза поворачивать ключ, и мотор закашлялся, прежде чем ожить. Майкл посигналил на прощание, хотя знал, что мать уже стоит у окна и смотрит вслед, сложив руки на груди, как всегда, когда провожала его в темноту.

Дорога до его квартиры заняла минут двадцать – сначала по шоссе, мимо бесконечных торговых центров и заправок, потом вглубь спального района, где пальмы росли прямо у тротуаров, а газоны перед домами были ярко-зелеными даже в ноябре благодаря системе автополива.

Он снимал первый этаж в старом дуплексе на тихой улице с односторонним движением. Хозяйка, пожилая кубинка, пускала его за символическую плату, потому что он чинил ей кондиционер, когда тот тек, и менял лампочки в высоких люстрах, до которых она не могла дотянуться.

Квартира встретила его запахом застоявшегося кондиционированного воздуха и одиночества. Майкл включил свет в

прихожей – зажужжал вентилятор в термостате, автоматически включая систему охлаждения. В Майами даже в ноябре без кондиционера было душно.

Он прошел на кухню, распахнул раздвижную стеклянную дверь на маленький задний дворик – впустить ночной воздух, хоть и влажный, но хоть какой-то живой. Пальцы сами нащупали выключатель чайника, но он тут же отдёрнул руку. Не чай ему сейчас нужен.

В шкафчике над раковиной, за банкой с дешевым растворимым кофе, стояла початая бутылка Джим Бима. Майкл взял её, плеснул на три пальца в граненый стакан – единственный приличный стакан из набора, купленного когда-то в супермаркете. Остальные давно побились.

Виски обжег горло, разлился теплом в груди. Майкл стоял у раздвижной двери, глядя на маленький бетонный дворик с парой засохших растений в горшках, и думал о том, что сказал сегодня в суде Мастерс. О презумпции невиновности. О том, что он чист перед законом прямо сейчас. Хорошие слова. Правильные. Только вот закон – это одно, а жизнь – совсем другое. Жизнь требовала денег.

Он допил виски одним глотком, поставил стакан на кухонный островок – небольшую стойку из искусственного гранита, отделявшую кухню от гостиной, – и пошел в душ.

Ванная была тесной, с типичной для Флориды плиткой в розовато-бежевых тонах и маленьким окошком под потолком. Горячая вода хлестала по спине, смывая усталость, но

не страх. Майкл уперся ладонями в кафельную стену, стоял под струями и позволял им стегать себя по затылку. В голове крутились обрывки сегодняшнего дня: голос Фишборна, «солнце, пальмы, прачечная», усмешка Мастерса, тяжелый взгляд председателя присяжных. И её лицо. Джейн. Он запрещал себе думать о ней в последнее время – слишком больно. Но сегодня запрет сломался. Она стояла перед глазами – живая, с этой её полуулыбкой, когда она говорила: «Майки, ну какой из тебя Ромео? Ты же весь в масле».

Он выключил воду, насухо вытерся махровым полотенцем, натянул чистые джинсы и старую футболку. Выдохнул. Телефон лежал на тумбочке в прихожей, рядом с ключами и стопкой неоплаченных счетов.

Майкл прошел в гостиную – одну большую комнату, где помещались и диван, и телевизор, и обеденный стол. Мебель была дешевой, сборной из "Уолмарта", но чистой. На стенах – ни картин, ни фотографий, только пара полок с автомобильными журналами и запчастями в коробках. Окна выходили прямо на улицу, и сейчас сквозь жалюзи пробивался свет уличных фонарей, рисуя полосы на линолеуме, имитирующем паркетную доску.

Он взял телефон, пролистал контакты до буквы «Б». Бен – Бенджамин Хоук, его начальник, владелец автосервиса «Хоук энд Санс», хотя никаких «санс» там не было, один Бен, да Майкл, да еще пара механиков-совместителей.

Бен взял трубку после третьего гудка. На фоне слышалась

музыка – кантри, какой-то бар.

– Раннер? Ты чего звонишь в такое время? Я думал, ты в суде паришься.

– Уже отпарился, Бен. На сегодня всё.

– Ну и как оно? – в голосе Бена сквозило любопытство, но без злорадства. Он был мужик простой, но справедливый. – Посадят тебя?

– Пока нет, – Майкл криво усмехнулся. – Адвокат говорит, есть шанс.

– Адвокаты всегда говорят, есть шанс. За свои бабки они тебе и луну с неба достанут. Ты лучше скажи, когда на работу выйдешь? У нас тут «Шевроле» с разобранной коробкой третью неделю стоит, клиент уже звонит каждый день, матерится.

Майкл глубоко вздохнул.

– Затем и звоню, Бен. Есть работа на ночные смены? На подработку?

В трубке повисла пауза. Потом Бен хмыкнул:

– На ночные? Ты чего, Раннер, с дуба рухнул? У тебя ж суд, тебе высыпаться надо, а не гайки крутить в ночную.

– Высыпаться я все равно не буду, Бен. Мне деньги нужны. Срочно.

– Деньги, – протянул Бен. – А, ну да, адвокат же не за спасибо работает. Сколько он с тебя содрал?

Майкл помолчал. Потом сказал глухо:

– Сто двадцать пять уже отдал. Это только предварительный гонорар. Дальше – по часам. Плюс залог мне назначили в полмиллиона. Где столько взять? Пришлось к поручителю идти. Заплатил ему пятьдесят кусков, и теперь он поручился за меня перед судом. Эти пятьдесят – всё, что у меня было, и мне их никто не вернет, даже если меня оправдают. Ничего не осталось, Бен. Вообще ничего. За кварту платить скоро, хозяйка пока терпит, говорит, хрен с тобой, плати, когда сможешь. Но маме надо на лекарства, и это… сам понимаешь.

Бен шумно выдохнул, что-то звякнуло – видимо, он поставил стакан на стойку.

– Сколько баксов? Твою ж дивизию, Раннер, ты б сказал сразу. Я думал, там тысяч двадцать – тридцать.

– Убийство первой степени, Бен. Тут не торгуются.

– Да уж, не торгуются, – Бен помолчал, потом заговорил уже другим тоном, деловым: – Слушай, есть у меня мысль. Клиент один, старый, у него ферма за городом, ближе к Эверглейдс. Там ангар, он хочет его под мастерскую переоборудовать, а у самого руки не оттуда растут. Электрику развести, стеллажи сварить, полы забетонировать. Работы на пару недель, если в ночь вкалывать. Платит наличными. Мужик не жмот, десятку можешь смело просить за всё, если сделаешь как надо. Но это ночами, свет там есть.

– Согласен, – быстро сказал Майкл. – Когда начинать?

– Погоди, не гони. Ты мне другое скажи. До меня слухи доходили, что ты хотел уходить, Раннер? Я слышал, ты свой сервис хочешь открывать. Своя мастерская, бизнес. Это ж деньги нужны немалые. А ты сейчас в ночную лезешь, значит, либо на основном не вытянешь, либо…

Майкл зажмурился. Вот оно. Вопрос, которого он боялся. Потому что правда была дерьмовой.

– Бен, слушай… – он запнулся, подбирая слова. – Я тебе должен сказать. Про сервис… это всё планы были. Ещё при Джейн. Она меня подбивала, говорила: «Майки, ты талантливый, чего ты на дядю горбатишься? Открывай своё». Я и повёлся. Насчитал там, насметил… Думал, кредит возьму, она поможет немного, раскручусь.

– И?

– И ничего. После того, как её убили, я неделю не мог ничего делать. А потом пришли копы, обыск, адвокат, залог. Все мои сбережения, которые я копил на мастерскую – ушли до цента. Так что нет у меня никакого сервиса, Бен. И не будет, если меня не оправдают. Потому что если посадят – там уже вообще ничего не будет.

Тишина в трубке затянулась. Майкл слышал, как на фоне играет гитара, как кто-то смеется. Бен молчал.

– Бен? Ты там?

– Я тут, – голос Бена стал каким-то другим. Более усталым, что ли. – Слушай, Раннер… Я ж не знал. Думал, ты просто хочешь своё дело, как все нормальные пацаны. А ты, выходит, в яме сидишь по уши.

– Сижу, – согласился Майкл.

– И про бабу эту… про Джейн. Это ж она была та, с которой ты… ну, я догадывался, что у тебя кто-то есть, ты ж весь светился последние месяцы. Думал, может, девушка какая. А она вон оно как.

– Бен, я не убивал её. Клянусь тебе.

– Да верю я, – отрезал Бен. – Ты, Раннер, конечно, балбес еще тот, но не убийца. Я таких за жизнь повидал, у меня вон брат двоюродный два срока отмотал, я знаю, как они выглядят. Ты не такой.

Майкл почувствовал, как к горлу подкатывает комок. Он сглотнул.

– Спасибо, Бен.

– Спасибо потом скажешь. Значит так: завтра с утра в суд, после суда – ко мне, я тебе набросаю план работ по ангару, покажу, что где. Вечером можешь начинать. Инструмент мой возьмешь, я скажу кладовщику, чтоб выдал под запись. Рассчитаешься, когда фермер отдаст деньги. И на основном можешь пока не появляться, я сам покручусь. Но, Раннер…

– Что?

– Если тебя посадят – ты мне должен будешь за инструмент. Так что ты уж давай, не подведи. Оправдывайся там как следует.

Майкл не сдержал короткого смешка – нервного, почти истерического.

– Постараюсь, Бен. Спасибо тебе огромное.

– Да не за что. Ладно, бывай. Завтра после суда жду.

Бен отключился. Майкл еще несколько секунд смотрел на погасший экран, потом положил телефон на тумбочку. В квартире было тихо, только кондиционер тихо гудел, нагнетая прохладу, да где-то вдалеке лаяла собака.

Он вернулся на кухню, налил еще виски – на два пальца, не больше. Подошел к раздвижной двери, оперся локтем о косяк. Ночь стояла ясная, звездная. В Майами даже в ноябре было тепло и влажно, воздух пах морем и цветущим олеандром с соседского двора.

– Я выкарабкаюсь – прошептал он в темноту – я справлюсь.

Звезды не ответили. Но Майклу показалось, что одна из них мигнула чуть ярче. Или просто показалось – от виски,

от усталости, от всего сразу.

Он допил виски, закрыл раздвижную дверь, щелкнул замком, погасил свет в гостиной и прошел в спальню – маленькую комнатку, где едва помещались двуспальная кровать и старый комод. Лег на кровать, даже не раздеваясь, уставившись в потолок, где крутился вентилятор.

Завтра будет новый день в суде. А ночью – работа в холодном ангаре у Эверглейдс. И это было лучше, чем сидеть и ждать приговора, глядя в стену.

Солнце еще не успело как следует разогреть асфальт, когда Майкл уже стоял под душем. Вода была холодной, нужно было проснуться. Ледяные иглы впивались в кожу, прогоняя остатки сна, которого практически не было. Он ворочался до трех, провалился в тяжелую дремоту без сновидений, а в шесть уже открыл глаза – сам, без будильника.

Он брился перед запотевшим зеркалом, когда в кармане джинсов, брошенных на стиралку, завибрировал телефон. Мастерс.

– Ты где? – голос адвоката был бодрым, но Майкл слышал в нем металлические нотки напряжения.

– Дома. Бреюсь.

– Хорошо. Слушай меня внимательно. Завтрак – легкий. Кофе если будешь пить, то без молока, от молока живот урчит, а мне не нужно, чтобы тебя в туалет посреди перекрестного допроса потянуло. Одежду вчерашнюю надевай – темно-синий пиджак, светлая рубашка, галстук не надевай, без

галстука ты больше похож на работягу, которому навешали, а не на хитрого убийцу. И главное: у здания суда будет пресса. Камеры. Ты идешь прямо, смотришь перед собой, не останавливаешься, рта не открываешь. Даже если они будут кричать: «Майкл, ты убил её?» – молчишь. Ты меня слышишь?

– Слышу, Эрик.

– Повтори.

– Молчать, не останавливаться, смотреть перед собой.

– Умница. Я буду у восточного входа, служебного, там репортеров меньше. Подъезжай к девяти тридцати, припаркуйся на той же стоянке, что вчера. И, Майкл…

– Да?

– Держись. Сегодня будет мясо. Фишборн приведет первых свидетелей, будет давить на эмоции. Копов, криминалистов, может, мужа погибшей вызовут. Ты сиди смирно. Я рядом.

Майкл отключился и посмотрел на свое отражение. Из зеркала на него смотрел парень с темными кругами под глазами и неестественно бледной после бритья кожей. Он не узнавал себя в этом пиджаке, в этом костюме, купленном когда-то на выпускной и с тех пор надеванном раза три. Рубашка была чистой, он выстирал её вчера вечером в раковине и повесил на дверь душа, чтобы не мялась. Получилось так себе – на воротнике осталась складка, но Майкл решил, что плевать.

Из кухни донесся запах горелого. Он чертыхнулся – забыл про тостер. Вытащил подгоревший хлеб, бросил на тарелку, намазал арахисовой пастой. Жевать пришлось через силу – кусок в горло не лез.

Выходя из дома, он остановился на пороге и окинул взглядом комнату. Вдруг мелькнула мысль: «А если я сегодня не вернусь? Если сегодня все закончится и не в мою пользу? Что тогда?». Он отогнал эту мысль, как назойливую муху. Нельзя так думать. Мастерс сказал – презумпция невиновности. Он пока невиновен.

«Форд» опять не хотел заводиться, со второго раза, чихнул и очень нехотя заурчал. Майкл вырулил со двора и влился в утренний трафик. Майами просыпался: женщины в спортивных костюмах выгуливали собак, латиносы в разноцветных рубашках уже открывали свои ларьки с кофе и сэндвичами, девушка на автобусной остановке красила губы, глядя в телефон. Обычное утро. Для всех, кроме него.

Он свернул на боковую улицу, где была та самая стоянка, и с удивлением обнаружил, что место, где он вчера оставил машину, занято. Пришлось покружить, втиснуться между внедорожником и мусорным баком. Вылезая, он задел зеркалом бампер внедорожника и замер, ожидая, что сработает сигнализация. Тишина. Повезло.

До здания суда пришлось идти пешком два квартала. Солнце уже пекло по-настоящему, и пиджак моментально стал липнуть к спине. У восточного входа, служебного, дей-

ствительно было тихо – только пара полицейских курила у служебной двери, да грузчик разгружал ящики с водой. Мастерс стоял чуть поодаль, в тени колонны, с двумя стаканчиками кофе в руках. На адвокате был идеально выглаженный серый костюм, дорогие часы блестели на солнце.

– Держи, – Мастерс протянул один стакан.

Майкл взял стакан, обжег пальцы, перехватил поудобнее. Сделал глоток. Кофе был приторно-сладким и отдавал орехами.

– Спасибо.

– Как мать? – Мастерс изучающе смотрел на него поверх своего стакана.

– Нормально. Молится, как обычно – огрызнулся Майкл.

– Это хорошо. Молитва иногда покрепче любого алиби работает. И не важно веришь ли ты лично в это. – Адвокат вздохнул. – Ладно. Пошли. Покажу тебе, как будем заходить, чтобы в пресс-папку не попасть.

Мастерс уверенно толкнул тяжелую дверь служебного входа. Внутри было прохладно и пахло казенной чистотой – смесью дезинфекции, старой бумаги и полироли для пола. Их шаги гулко отдавались в пустом коридоре. Адвокат шел быстро, Майкл едва поспевал за ним, чувствуя, как предательски скользят подошвы ботинок по натертому до зеркального блеска линолеуму.

– Лифт не ждем, – бросил Мастерс через плечо, сворачивая к лестнице. – Там может быть засада. Поднимемся пеш-

ком. Четвертый этаж, потерпишь.

Пока они поднимались по бетонным ступенькам, Майкл считал пролеты. Один, два, три. На четвертом у него уже сбилось дыхание, но не столько от подъема, сколько от нервов. Мастерс, не запыхавшись, толкнул дверь, и они вышли в коридор, ведущий непосредственно в зал суда № 4.

Здесь уже было людно. Какой-то мужчина в дешевом костюме нервно теребил галстук, женщина в черном платье сжимала в руках платок, полицейский в форме читал документы в планшете. Все они обернулись на звук открывшейся двери, и Майклу на секунду показалось, что он попал под прицел камер. Но это были просто люди. Свидетели? Родственники других подсудимых? Он не знал.

Мастерс подвел его к тяжелой дубовой двери с табличкой «Зал судебных заседаний №4».

– Готов? – адвокат положил руку на латунную ручку.

– Нет, – честно ответил Майкл.

– Вот и отлично. Кто готов – тот самонадеян. Пошли.

Дверь открылась, и они вошли в зал. Он уже не казался таким огромным, как вчера. Или просто Майкл начал привыкать. Место защиты – стол справа – было пустым. Они заняли свои места. Майкл сел на тот же стул, положил руки перед собой и уставился на полированную поверхность стола, испещренную мелкими царапинами. Интересно, сколько таких, как он, сидели здесь и смотрели на эти царапины?

Скамья обвинения слева была пуста. Фишборна еще не

было. Но его место уже было подготовлено: аккуратная стопка папок, ноутбук, стакан с водой. Всё продумано.

В зал потихоньку начали заходить люди. Те, кого Майкл видел в коридоре. Они рассаживались на деревянных скамьях для публики – тех самых, что были отделены от участников процесса невысоким барьером. Кто-то из них, Майкл это чувствовал, смотрел на него. Он старался не оборачиваться.

Ровно в 9:45, как по расписанию, в зал вошел Джейсон Фишборн. *У него в руках была еще одна папка*, потолще остальных. Секретарь суда, полная женщина в очках с толстой оправой, что-то печатала за своим столиком, не поднимая глаз.

В 9:55 секретарь подняла голову и объявила:

– Прошу встать, жюри присяжных входит в зал суда.

Мастерс легонько тронул Майкла за локоть, и они поднялись вместе со всеми.

Дверь рядом со скамьей присяжных открылась, и они начали входить – двенадцать человек, от которых зависело всё. Они проходили на свои места, рассаживаясь в два ряда. Майкл смотрел на них, пытаясь запомнить каждое лицо. Вот тот пожилой мужчина, председатель Миллер, прошел на свое место в первом ряду, крайнее слева. Он выглядел собранным, даже суровым. Женщина в очках с толстой оправой – села во втором ряду, рядом с молодым парнем в полосатой рубашке, который всё время поправлял узел галстука. Де-

вушка с короткой стрижкой, похожая на студентку, теребила в руках карандаш. Афроамериканец в строгом костюме, мужчина лет пятидесяти, смотрел прямо перед собой, не поворачивая головы. Майкл поймал себя на мысли, что пытается угадать, кто из них мог его уже осудить, а кто – еще сомневается.

Когда все присяжные расселись, секретарь снова заговорила:

– Прошу садиться.

Зазвучали шаги, скрип стульев. Судьи еще не было. Миллер, председатель, сидел с непроницаемым лицом, но Майкл заметил, как его руки спокойно лежат на столе – ни нервозности, ни спешки.

Прошло еще несколько минут. В зале стояла та особенная тишина, какая бывает только в судах и больницах – напряженная, наполненная ожиданием.

Ровно в 10:00 дверь слева от судейского места открылась.

– Прошу всех встать, Суд идет! – объявил пристав.

Все снова поднялись. Судья Джоанна Смит вошла в зал быстрым, уверенным шагом. Черная мантия колыхалась при каждом движении. На лице – никаких эмоций, только деловая сосредоточенность. Она поднялась на возвышение, села в высокое кресло и жестом пригласила всех садиться.

Стук молотка прозвучал сухо и четко.

– Доброе утро, – сказала судья Смит, окидывая взглядом зал. – Жюри присяжных на месте. Стороны на месте. Про-

должаем слушание дела номер 376654MF, Штат Флорида против Майкла Теодора Раннера.

Она открыла папку перед собой, пробежала глазами по записям.

– Вчера сторона защиты завершила вступительную речь. Сегодня, в соответствии с порядком, слово предоставляется стороне обвинения для вызова первого свидетеля. Мистер Фишборн, вы готовы?

Фишборн поднялся, поправил лацканы пиджака. Он был сама элегантность и уверенность.

– Обвинение вызывает первого свидетеля – офицера Даниэля Родригеса, сотрудника полиции Майами-Дейд, прибывшего на место преступления двадцать четвертого октября прошлого года.

Судья кивнула приставу:

– Пригласите свидетеля.

Майкл сидел неподвижно, боялся даже вздохнуть. Он покосился на Мастерса. Адвокат сидел абсолютно спокойно, положив руки на стол. Только кончик его авторучки чуть заметно подрагивал в пальцах – выдавал напряжение, которого не было видно на лице.

Дверь в глубине зала открылась, и вошел полицейский в форме. Средних лет, с усами, немного грузный. Он прошел к свидетельской трибуне, остановился и поднял правую руку.

Секретарь суда монотонно зачитала присягу:

– Клянетесь ли вы говорить правду, только правду и ни-

чего, кроме правды, да поможет вам Бог?

– Клянусь, – ответил офицер Родригес глуховатым голосом.

Он сел на свидетельское место, поправил микрофон и перевел взгляд на Фишборна, который уже подходил к нему с выражением спокойной доброжелательности на лице.

– Офицер Родригес, – начал Фишборн, подходя к трибуне. Его голос звучал спокойно, но в нём чувствовалась та особая торжественность, с которой открывают важную тему. – Вы – первый представитель закона, прибывший на место преступления утром двадцать четвёртого октября. Расскажите, пожалуйста, присяжным, что вы застали.

Родригес откашлялся, собираясь с мыслями.

– Прибыв на парковку Sunshine Market примерно в семь двадцать пять, я обнаружил автомобиль «Хонда-Аккорд», светлого цвета, припаркованный хаотично – фактически поперёк проезжей части зоны парковки. Внутри, на водительском сиденье, находилась женщина. Она была без сознания, не реагировала на внешние раздражители. Водительское стекло было разбито вдребезги, осколки лежали как внутри салона, так и снаружи на асфальте.

Фишборн подошёл ближе к скамье присяжных, словно приглашая их представить эту картину.

– Офицер, вы констатировали смерть?

– Нет, сэр. Я не имею права констатировать смерть. Я проверил пульс – пульс отсутствовал. Зрачки не реагировали на

свет. Я немедленно вызвал бригаду скорой помощи и криминалистов, а сам приступил к оцеплению периметра.

– До того, как вы начали оцепление, кто-либо приближался к месту преступления?

– На парковке уже находилось несколько машин – сотрудников магазина, которые приехали на утреннюю смену. Один из них, как я позже выяснил, мистер Мендес, стоял неподалёку от машины. Я попросил его и всех остальных отойти за пределы оцепленной зоны.

– Криминалисты прибыли одновременно со скорой?

– Практически. Разница была в несколько минут. Как только подъехала бригада, мы приступили к работе.

Фишборн выдержал паузу, давая присяжным переварить информацию. Затем он подошёл к столу, взял одну из папок и, не открывая её, поднёс к груди, словно это была реликвия.

– Офицер Родригес, вы видели лицо погибшей. Её одежду, её позу. Опишите, что вы почувствовали в тот момент. Не как полицейский, а как человек.

Родригес на мгновение замялся, его лицо стало более серьёзным.

– Я… я видел много смертей за годы службы, сэр. Но эта была другой. Женщина была примерно моего возраста. У неё были руки, сложенные на коленях, как будто она просто сидела и ждала. Одета обычно – джинсы, легкая куртка. Ничего вызывающего. Обычная женщина, которая могла быть моей сестрой или соседкой. И это… это оставляет след.

– Благодарю вас, офицер. – Фишборн слегка поклонился, давая понять, что оценил искренность свидетеля. – Теперь, возвращаясь к фактам. Вы осмотрели место преступления до прибытия криминалистов?

– Я провёл первичный осмотр периметра, чтобы определить, есть ли очевидные улики, которые могли быть уничтожены погодой или прохожими. Я заметил несколько гильз на асфальте с водительской стороны автомобиля.

– Гильзы? – Фишборн приподнял бровь, обращаясь к присяжным. – Сколько их было?

– Две, сэр. Обе лежали примерно в метре от двери водителя.

– Вы их трогали?

– Нет, сэр. Я отметил их местоположение мелом и дождался криминалистов. Это стандартная процедура.

Фишборн медленно кивнул, давая присяжным время осознать: две гильзы означают, что стреляли дважды. В тело Джейн Вилльямс попала одна пуля. Значит, вторая?..

– Офицер, вы заметили что-либо ещё необычное? Следы борьбы? Отпечатки обуви? Оставленные предметы?

– Следов борьбы не было. Сама женщина сидела спокойно. Однако на асфальте, под разбитым окном, я заметил небольшие тёмные пятна, которые позже идентифицировали как кровь. Также, примерно в трёх метрах от машины, лежала пустая пластиковая бутылка из-под воды. Криминалисты забрали её на экспертизу, но отпечатков, насколько я

знаю, на ней не нашли.

– То есть убийца мог быть осторожен? Или бутылка не имела отношения к делу?

– Это предстоит установить следствию, сэр.

Фишборн удовлетворённо хмыкнул. Он подошёл к своему столу, положил папку и обернулся.

– Офицер, вы опрашивали возможных свидетелей на месте?

– Да, сэр. Я побеседовал с мистером Мендесом, а также с двумя другими сотрудниками магазина, прибывшими на работу примерно в шесть сорок пять – семь утра. Никто из них не видел и не слышал ничего подозрительного ни ночью, ни ранним утром.

– Но вы проверили камеры видеонаблюдения магазина?

– Да, сэр. Мы запросили записи у администрации Sunshine Market. Камеры охватывают большую часть парковки, но, к сожалению, место, где стояла машина погибшей, попадает в мёртвую зону. Виден только дальний угол парковки и въезд.

Фишборн изобразил лёгкое разочарование – но лишь для того, чтобы подчеркнуть: даже без прямого видео, обвинение соберёт достаточно улик.

– И тем не менее, вы смогли установить примерное время смерти?

– Это не моя компетенция, сэр. Этот вопрос к судмедэксперту. Однако, исходя из того, что тело обнаружили утром, а машина стояла там всю ночь, можно предположить, что пре-

ступление произошло в период с вечера двадцать третьего октября до раннего утра двадцать четвёртого.

Фишборн сделал шаг назад, словно подводя итог.

– Офицер Родригес, скажите: за те часы, что вы провели на месте преступления, вы заметили кого-либо, кто вёл себя подозрительно? Кто проявлял чрезмерный интерес к месту? Кто мог бы быть убийцей, вернувшимся на место преступления?

– Нет, сэр. Парковка постепенно заполнялась обычными покупателями, но никого подозрительного я не заметил.

– Благодарю вас, офицер. У обвинения больше нет вопросов, Ваша Честь.

– Сторона защиты имеет вопросы? – спросила судья Смит

– Да, Ваша Честь, – Мастерс поднялся, неторопливо поправил галстук и подошёл к трибуне. Он встал сбоку от свидетеля, чтобы тот видел и присяжных, и адвоката одновременно.

– Офицер Родригес, вы упомянули, что прибыли на место в семь двадцать пять утра. Скажите, сколько времени прошло с момента предполагаемого убийства до вашего прибытия?

Родригес нахмурился, прикидывая.

– Если исходить из того, что убийство произошло вечером двадцать третьего, то примерно двенадцать часов.

– Двенадцать часов, – повторил Мастерс, делая паузу. – За это время на парковке могло произойти много чего, не так

ли? Машины приезжали и уезжали, люди ходили, возможно, шёл дождь?

– Дождя не было, но движение было. Парковка коммерческая, работает круглосуточно, хотя магазин и закрыт ночью.

– То есть любые следы – шин, обуви, улики, – которые могли быть оставлены убийцей, могли быть уничтожены или искажены задолго до вашего приезда?

– Теоретически да, – признал Родригес. – Но криминалисты работают в таких условиях постоянно. Мы всё равно собрали все возможные образцы.

Мастерс кивнул, делая пометку в блокноте.

– Вы сказали, что обнаружили две гильзы. Скажите, офицер, гильзы лежали на видном месте? Их мог заметить любой прохожий?

– Они лежали на асфальте, сэр. Не в луже, не в траве. Да, их можно было заметить.

– И за двенадцать часов, пока парковка жила своей жизнью, никто их не подобрал, не сдвинул, не затоптал? Вам не кажется это странным?

Родригес пожал плечами.

– Люди часто не замечают того, что не ищут. Многие могли принять гильзы за мусор, за детали от машины. Не думаю, что это странно.

– Не думаете, – усмехнулся Мастерс. – Хорошо. Вы упомянули пластиковую бутылку. Её тоже никто не тронул за двенадцать часов?

– Видимо, нет.

– И отпечатков на ней не нашли. Удобное совпадение, не правда ли? Или, может быть, эта бутылка вообще не имела отношения к преступлению и её просто выбросил какой-нибудь покупатель накануне вечером?

– Это возможно, сэр. Поэтому она и не фигурирует как улика обвинения.

Мастерс удовлетворённо кивнул.

– Вы сказали, что поговорили с сотрудниками магазина, прибывшими на работу. Скажите, они все дали показания, что ничего не видели и не слышали?

– Да.

– А вы проверяли, были ли среди них люди, которые знали погибшую лично? Может быть, кто-то из работников Sunshine Market был с ней знаком?

Родригес замялся.

– Я… не проверял этого специально. Мы опрашивали их только как возможных очевидцев.

– То есть теоретически кто-то из сотрудников мог знать Джейн Вилльямс, мог иметь с ней какие-то отношения, и вы бы об этом не узнали?

Фишборн привстал:

– Протестую, Ваша Честь, защита домысливает. Свидетель не обязан проводить расследование личных связей каждого прохожего.

Судья Смит кивнула:

– Мистер Мастерс, поконкретнее.

– Я перефразирую, – легко согласился Мастерс. – Офицер, вы не устанавливали, был ли кто-то из опрошенных вами людей знаком с погибшей?

– Нет, сэр. Мы не задавали таких вопросов.

– Не задавали. Потому что это не входило в вашу задачу. Вы просто собирали первичные показания. Так?

– Так.

Мастерс сделал шаг назад, оглядывая зал.

– Офицер, вы упомянули, что камеры видеонаблюдения не захватили место преступления. Но они могли захватить въезд на парковку. Вы просматривали записи за весь вечер и ночь двадцать третьего октября?

– Да, сэр. Криминалисты изъяли записи. На въезде зафиксировано много машин в течение вечера. Опознать конкретную машину погибшей или возможного подозреваемого по этим записям не удалось – качество изображения плохое, номера не читаются.

– То есть ни одна машина, которая могла бы принадлежать убийце, не была идентифицирована?

– Не была.

Мастерс кивнул, давая присяжным время осознать: важнейшее доказательство – видеозапись – ничего не дало.

– Последний вопрос, офицер. Вы сказали, что на месте преступления не было следов борьбы. Джейн Вилльямс сидела спокойно, руки на коленях. Вам не показалось это

странным для женщины, в которую стреляют?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.